

³ *Воропаева В.* Кыргызстан – Россия: История и современность // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3 (9). С. 39.

⁴ *Юрасова М. К.* Омск. Очерки истории города. Омск, 1983. С. 49.

⁵ *Краснов П. Н.* На рубеже Китая. Париж, 1939. С. 128.

⁶ *Озмитель Е. Е.* Православные храмы Киргизии (XX–XXI вв.) / под ред. В. М. Плоских. Бишкек, 2010. С. 11.

⁷ *Владимир*, митрополит Бишкекский и Среднеазиатский. Земля потомков патриарха Тюрка. М., 2002. С. 8.

⁸ Там же. С. 22

⁹ *Громова С.* Поиски средневекового христианского монастыря // «Ак-Булуң. Диалог культур» – новый шаг в исследовании историко-культурного наследия Кыргызстана: материалы международного круглого стола ученых-экспертов истории средневекового христианства. Бишкек, 2006. С. 94.

¹⁰ *Иссык-Кульский православный миссионерский монастырь в Средней Азии.* СПб., 1896. С. 14.

Н. С. Храпова

БЫТ КАЗАКОВ В ЗАПИСКАХ Г. Е. КАТАНАЕВА

Существенный вклад в изучение культуры и быта казаков внесли труды историка Сибирского казачьего войска Г. Е. Катанаева. В личном фонде Георгия Ефремовича, хранящемся в Историческом архиве Омской области, имеется множество материалов, записок, дневников, статей, в которых отражены те или другие стороны казачьего быта.

Например, отдельной главой планируемой работы Георгия Ефремовича «Из истории служилого казачества» значится «Организация и быт служилого населения Сибири к началу второго пятидесятилетия занятия ее русскими»¹. В плане данной работы намечалось описать не только крепости и станицы, организацию службы, численность и состав служилого населения, знамя и вооружение, одежду, довольствие, но и хозяйство казаков, их занятия (охоту, рыболовство, земледелие и др.), жилища, семейный быт, мировоззрение, отношение к семье, религии и государству. Однако глава эта завершена не была в связи с кончиной Г. Е. Катанаева.

В черновиках его работ, полевых записках, заметках можно найти разнообразные факты, касающиеся материальной культуры казаков. Особый интерес представляет еще одна незаконченная работа Г. Е. Катанаева «Русские казаки и прилинейные киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке. Некоторые данные (материалы) к разработке вопроса о культурном взаимодействии рас»².

По мнению автора, чем большим числом предметов обихода себя окружал человек, чем больше практических качеств у этих предметов, чем они разнообразнее, качественнее и целесообразнее в широком смысле этих слов, тем культурнее был человек, ими обладающий. «В числе ингредиентов, составляющих, так сказать, существо того, что принято называть человеческой культурой, предметы домашнего обихода и обстановки человека, бесспорно, занимают одно из наиболее видных мест, – говорится в предисловии к данной работе. – Они есть, так сказать, внешние показатели этой культуры, значение их в этом последнем отношении столь велико, что едва ли будет большой ошибкой сказать, что не только подробное описание того, в чем и как живет интересующий нас человек, какие предметы домашнего обихода составляют его настоящую потребность, какими он обладает орудиями производства, обеспечивающими его существование, и проч., но и простой, хотя бы только расценочный перечень всех помянутых предметов домашней жизни и обихода, может дать обильный материал для обрисовки всей культурной “физиономии” взятого нами для изучения человека»³.

Исходя из этой основной мысли, главным методом в описании материальной культуры сибирских казаков Г. Е. Катанаев считал составление оценочных подробных описей имущества казачьих семей. Им были созданы примерные планы и формы составления подобных описей, чтобы в дальнейшем по готовому образцу опросить как можно больше казаков различных станиц, проанализировать собранный материал, сравнить его, сделать те или иные, имеющие научное и практическое значение общие выводы. «Несомненно, конечно, что самое желательное было бы производить, так сказать, поголовные описи, ибо только такие описи дали бы самую полную и верную картину не только культурных потребностей исследуемого района, но и его экономического или имущественного благосостояния. К сожалению, такие описи не только по их сложности, но и по другим, не требующим особого разъяснения причинам, мыслимы лишь как исключения, и думать о применении их в сколько-либо общем виде не приходится. Невольно приходится ограничиться вторым способом, т. е. разведыванием типичных семейств»⁴.

В казачьих станицах и поселениях исследователем были проведены многочисленные опросы местных жителей. Разговаривая с ними на самые разнообразные темы, постепенно он доходил до главного интересующего его вопроса: состава и количества имущества среднезажиточной семьи казака. Г. Е. Катанаевым были выделены следующие признаки среднезажиточной семьи: «Выяснялось, что под среднезажиточной семьей я подразумеваю такую семью, которая, не будучи бога-

той, в то же время и не бедна, у которой лежалых денег нет, займы ни у кого не просит (и другим не дает), хлеба ежегодно в большой запас не оставляет, а без хлеба не бывает; одним словом, живет ровненько. Такая семья, которая ни в пище, ни в обстановке не позволяет себе ничего лишнего, никакой прихоти, но которая в то же время не будет себя лишать и того, что составляет ее потребность, что без особого обременения она может себе доставить»⁵. В ходе опроса выяснялось также, сколько в поселке имеется подобных семей, у скольких семейств благосостояние выше среднего, у скольких ниже («беднее, хотя и не совершенно еще бедны... народ, любящий иногда выпить водочки и иногда же праздно посидеть с трубочкой на завалинке у дома. У них есть небольшой должок, срывают они иногда продать на сторону один-два нескошенных сенокосных поля, но, в общем, живут все-таки ладно, хлеба у них в урожае хватает на круглый год»⁶) и сколько совершенные бедняки (в большинстве, «кабачные завсегдаи» и рыбаки).

Исследователь отмечал, что казаки сначала относились к подобным расспросам весьма настороженно, старались не отвечать на многие вопросы, особенно касающиеся личного имущества, его количества и ценности, но по мере ближайшего ознакомления и убеждения, что опрос производился исключительно с научной целью, возрастал и их интерес, беседы становились более откровенными и полными. В результате респонденты, увлекшись, давали более чем обширные сведения о своей семье и всех соседских жителях.

По словам Георгия Ефремовича, им было собрано до 15 описей имущества казачьих семей в разных пунктах Акмолинской и Семипалатинской областей. «Данные, на мой взгляд, получились настолько интересные и характерные, что дальнейшее собиране таких же описей мне представляется положительной необходимостью и притом в размерах возможно широких по всей территории Западной Сибири (не говорю о других местностях) в среде казаков, крестьян, киргиз, татар, калмыков и проч.»⁷. В личном фонде хранятся две подробные описи имущества казачьих семей третьего отдела Сибирского казачьего войска поселка Белокаменского Семипалатинского уезда⁸ и поселка Кендерлыкского Зайсанского уезда⁹.

Состав описываемых Г. Е. Катанаевым семей брался примерно один и тот же: мать или отец (около 60 лет), сын – хозяин дома (35–40 лет), его жена, четверо-пятеро детей (от 1 года до 16 лет). Далее подробно описывались (с обозначением числа и стоимости всех предметов) домашние постройки, скот, все содержимое в доме, мебель, убранство, утварь, посуда, одежда каждого из членов семьи, столовое и спальное белье, хозяйственный инвентарь, продукты с обозначением

блюды, потребляемых семьями среднего достатка. Практически все описываемые предметы снабжены более или менее подробными аннотациями, как то: «Книги – 3 шт., 50 коп., обыкновенно старый псалом или иная книга духовного содержания для стариков и один-два учебника, книжки для младших членов семьи, за редкими исключениями в семьях среднего достатка, грамотных (из 171 поселения Сибирского войска в 151 имеются школы, в том числе в п. Белокаменском)... Картин – 8 шт., 1 руб. 60 коп., часть в рамках, часть без рам. В большинстве – портреты лиц Царствующего дома и дешевые олеографии со сценами из коронавания Их Величества и последней Русско-Турецкой войны. Кроме того, одна-две или несколько фотографических карточек в рамках сыновей или братьев или с почетными родственниками... Кроватей – 2 шт., 1 руб. 60 коп., одна обыкновенно двуспальная, приданое хозяйки с пуховиком. Стоит чаще всего пустая, только для обстановки»¹⁰ и т. д.

Эти описи имущества казачьей семьи сделаны настолько полно и подробно, что, изучая их, можно реконструировать быт среднезажиточной казачьей семьи конца XIX – начала XX в. Например, казачий двор: дом деревянный в четыре комнаты, флигель при доме, кухня, амбары и другие хозяйственные постройки, домашние животные: лошади, крупный и мелкий рогатый скот, птица. Интерьер избы, построенной из хорошего соснового леса, в которой стены украшены картинами с изображением военных сюжетов, семейными портретами, портретами казачьих атаманов и членов царской семьи; зеркалами (в противоположность крестьянскому обычаю, без полотенец над ними), стенными часами, в углу – образа в бронзовых позолоченных ризах, переходящие из поколения в поколение. Из мебели – шкаф для посуды (у менее состоятельных семей – висящий на стене), крашенные столы и стулья, табуреты и скамейки, кровать («для обстановки»), сундуки (один – с приданным для дочери). Коленкоровые или полотняные с вышивками занавески на окнах и у печей, скатерти домашней работы на столах, цветы (герани, жаомин и роза), лампы для керосина, подсвечники медные и жестиные, разнообразная утварь, посуда и многое другое.

В описях приведено подробное описание традиционного для казаков комплекта одежды, в том числе широкое распространение получившие у мужчин пиджак, брюки (шаровары), спортух, пальто, у женщин – юбки с кофтой, платья (шерстяные, ситцевые, одно шелковое – из приданого); из головных уборов: платки, шали, полушалки, головные маковки; из украшений: серьги и кольцо, у девушек – бусы и головные ленты. Здесь же можно сказать и о форменном обмундировании, которое обязательно имелось у всех казаков в возрасте от 20 до 38 лет

(мундирная пара, шинель, папаха, фуражка). Сохранялась форма и отставными казаками, особенно, если они были урядниками и имели какие-либо отличия.

Основой питания казаков были продукты земледелия, животноводства, рыболовства, овощеводства и садоводства, из покупных продуктов в потреблении были соль и перец, постное масло, крупы (ячневая, рисовая, просо).

В пищу потреблялось мясо (говядина, баранина и мясо птицы), сало и яйца. Ежедневно в рационе присутствовало молоко, из которого также делали варенец, ряженку, сметану, творог, простоквашу (последняя, по словам Г. Е. Катанаева, в пищу употреблялась мало, чаще шла в корм телятам). Блюда из овощей и фруктов отличались большим разнообразием. Тушеная капуста, жареный и вареный картофель, блюда из моркови, брюквы и тыквы входили в ежедневный рацион, в посты готовились свекла, редька, горох и бобы, в летний период с огорода на столе были огурцы, дыни и арбузы.

Способы приготовления и хранения продуктов были традиционные: замораживание мяса, рыбы, пельменей, молока, сушка творога, овощей, фруктов, ягод и т. д.

Число десятин хлеба, ежегодно заготавливаемых семьями средней зажиточности, колебалось между 15 и 30 десятинами. С таким количеством обрабатываемой земли семья собственными силами обычно не справлялась и нанимала на время страды (иногда – на весь год) работников из местных «киргизов» (казахов). Необходимо также учесть, что между поселками и арендуемыми землями было существенное расстояние, вынуждавшее казаков почти все лето жить на два дома, на два хозяйства.

Все эти данные были приведены на основе личных наблюдений исследователя и многочисленных опросов. Таким образом, Г. Е. Катанаевым были собраны обширные «полевые» материалы по традиционной культуре, хозяйству и быту сибирского казачества. «Жизнь идет вперед, – писал Георгий Ефремович, – а вместе с ней меняются и человеческие потребности, привычки; нужно спешить записывать все то, чем наглядно выражаются эти привычки и потребности. В истории культурного развития человечества и его самопознания такого рода записи будут иметь со временем огромное значение»¹¹.

Нередко подобные опросы местных жителей превращались в отдельные интересные материалы: воспоминания, рассказы и заметки казаков. В фонде Г. Е. Катанаева, например, имеются воспоминания старого есаула А. П. Казина¹², заметки о Сибирском казачьем войске сотника Ивакова¹³, незаконченный рассказ «Из жизни казаков. Как

жили сибирские казаки 100 лет тому назад, какова была тогда Ямышевская крепость, что теперь поселок. Как жил в Ямышеве казак Парамон Барсуков с сыном Федором, женой его Феклой и приятелем Хомой Бородавкой»¹⁴.

Последний представляет собой увлекательное повествование о жизни сибирских казаков конца XVII в.: «Тяжела была в то время служба казачья. Сроку ей не полагалось: служил всякий мужчина, начиная с 15 лет и до глубокой старости, пока только мог ноги передвигать и копые в руке держать. Служили постоянно, без роздыху, не так, как теперь, что отслужил казак в полку четыре года, да и на бок. Тогда казак не знал, в какой день, в какой час он будет на службе, когда ему дадут вздохнуть»¹⁵.

В предисловии дается также подробное описание воинского снаряжения, примерного обмундирования, т. к. четкого образца для казака в то время еще не было, указывается размер жалования и др. «За службу казакам казна отпускала жалованье по 6 рублей 16 копеек в год, муки по четыре да овса по две четверти; сена служебным лошадям должны были косить сами, с вознаграждением по 50 копеек в год. Больше ничего не полагалось, на это казак должен был и себя снарядить, и семью содержать, и лошадь прокормить. Если бы не дешевизна тогда на все и не обилие плодов земных, которых по малолюдству еще некому было потреблять без остатка, то совсем бы плохо пришлось нашим казакам. Хоть в гроб, как говорится, кладись»¹⁶.

Из данного повествования можно почерпнуть интересные факты не только о военной службе, но и о «мирных» занятиях казака и членов его семьи: «То он на казенной пашне (для прокорма солдат), то у сплава по Иртышу казенных досчаников с провиантом или солью, то почту или летучку везет от форпоста к форпосту на собственной лошади, то в разезде или погоне за барантогами, то стоит на вышке, стережет от «пролазов» или прорыва на жилую русскую сторону воров-киргизцев, то рвы или земляные валы исправляют у крепостей, то какие-нибудь казармы для солдат строят. Семьи своей в то время казаки почти что не знали. Хозяйство, какое было, тоже вели больше бабы да девки, что оставались дома. Сами же казаки с постоянной службой заявлялись в свои дома только на побывку, как гости»¹⁷.

В рассказе, главным образом, повествуется о тарском казаке Парамоне Игнатьеве, по прозвищу Барсуков, посланном на строительство Ямышевской крепости, его жене Устинье Наумовне Устьянцевой и приемном сыне Федоре.

В нем содержатся различные бытовые подробности жизни казаков, описывается их мировоззрение, основные ценности, общий уклад.

С первых строк основной части рисуется цельный образ казачьей семьи: «Не прошло и десяти лет, как наш Парамон с Устиньей поселились на новом месте, а у них уж и изба сложена о пяти стен, и коровы завелись, и куры, не говоря уже о лошадях, которых хватало не только на казенную работу, но и для собственного хозяйства, чтобы по дрова или по сено ездить, спальник на плетень навозить или другую какую надобность справить. Одним Господь их не благословил, двенадцать лет уж, как они поженились, а детей не было. Для хозяйственного человека это великое горе. Покручинились они, подождали еще лет с двадцать, да и порешили взять к себе на воспитание вместо родного сына сироту мальчика, а за таким в то время много ходить не приходилось, бездомные сироты при тяжести и необеспеченности тогдашней службы и хозяйства встречались на каждом шагу. И наши Парамон с Устиньей скоро приискали по себе сиротку мальчика, оставшегося без отца и без матери, покончивших свою жизнь один во время бурана, когда ему в числе других казаков приказано было выгнать на заречную сторону табун лошадей, загнанных киргизами на русскую сторону Иртыша, а другая – от родильной горячки, когда она, оставшись вдовой, с горя преждевременно разродилась от бремени и, не оправившись еще от болезни, застудилась, идя в сильную стужу за водой. Мальчика сиротку звали Фейдей. Барсуковы его усыновили и приголубили. Лет через четырнадцать умерла от непосильной, должно быть, работы и сама Устинья Наумовна. Умерла, оставив 65-летнего мужа одного с 15-летним Фейдей. Не долго думая, чтоб не разорить хозяйства, старик Парамон через какой-нибудь год женил своего преемника на крестьянской вдове из Чернолуцкой слободы, что около Омска. В те времена свадьбы, когда жениху всего 16 лет от роду, были далеко не в редкость, и в Сибири разрешались. Жена Федей оказалась на целых 10 лет старше его. Баба она была хорошая, добрая, работящая, как и хотел Парамон, хозяйственная, только как будто не совсем под пару нашему Федору. Слишком уж она серьезна и домовита была для Федей, а он издался далеко не хозяйственным и не скопидомом»¹⁸.

Далее автор подробно останавливается на характерах, привычках, повседневной жизни главных героев: сурового немногословного Парамона, домовитой и трудолюбивой Феклы («...бывало, когда на нее ни посмотрим, все она в работе: то копается в огороде с огурцами да с капустой, то за скотиной обихаживает, то на погребушке возится с горшками со сметаной или молоком, то около печки управляется, то что-нибудь съест или прядет, то за водой бежит на Иртыш, то... да и не перечислишь, чего только она не делала...»¹⁹), «бродяги» Федей, его друга Хомы – сосланного запорожского казака.

Как и многие другие черновики, данный документ изобилует правками, зачеркиваниями, вставками и замечаниями, содержащими не менее интересные сведения, в том числе и о словах, вышедших из употребления. Например, что в Сибири «варнаками» в ругань называли всех сосланных и каторжных, а «коловичами» дразнили тарских жителей за то, что предки их в начале 1700-х гг. за противоправительственные волнения были отправлены в ссылку, посажены на колья, как в то время нередко делалось с преступниками, осужденными на смертную казнь²⁰.

К сожалению, этот рассказ также не закончен, обрывается на полуслове. И нам уже не узнать судьбу его героев, их приключения.

В заключение можно отметить, что многие заметки о быте сибирских казаков, как и статьи Г. Е. Катанаева по истории Омска в разные его периоды, заметки об известных личностях, связанных с нашим городом, воспоминания Георгия Ефремовича об учебе в Сибирском кадетском корпусе, службе, выписки из опубликованных материалов других авторов о Сибири, войдут в очередной готовящийся архивом том работ сибирского историка.

¹ ГИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 316. Л. 48.

² Там же. Д. 340.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 2 об.

⁶ Там же. Л. 4 об.

⁷ Там же. Л. 3–3 об.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 48. Л. 4.

¹⁰ Там же. Д. 340. Л. 5 об., 6 об.

¹¹ Там же. Л. 1 об.

¹² Там же. Д. 405. Л. 24.

¹³ Там же. Д. 291. Л. 7.

¹⁴ Там же. Д. 343. Л. 14.

¹⁵ Там же. Л. 2

¹⁶ Там же. Л. 2 об. – 3.

¹⁷ Там же. Л. 2 об.

¹⁸ Там же. Л. 3 об. – 4 об.

¹⁹ Там же. Л. 7.

²⁰ Там же. Л. 14 об.